

г. МОСКВА

Это было в тот год, когда страна отмечала 80-летний юбилей поэта.

Осеню прикоснулась и листьям больших деревьев проспекта Ленина, и они вспыхнули алым, красивым и багряным под еще по-летнему синим небом Еревана.

Десятиэтажный дом на просторном дворе, четвертый этаж, квартира 44. Нам открывает дверь сама Шаганэ Нерсесовна, знаменитая есенинская Шаганэ.

У нее добрая улыбка и удивительная мягкость и внутренняя сосредоточенность взгляда.

— Шаганэ Нерсесовна! Очень хотелось бы, чтобы вы рассказали о своих встречах с Сергеем Александровичем Есениным. Как вы познакомились с ним?

— После уроков я вышла из школы, навстречу мне шел человек с неповторимой улыбкой, словно излучавшей свет. Кстати, ни один художник еще до сих пор не передал очарования этой улыбки. Он глядел на меня как на знакомую. Я быстро прошла домой, слыша за собой его легкие шаги. Когда я взбежала к себе в комнату и, откинув краешек занавески, взглянула на улицу, незнакомец стоял напротив дома.

Соседка наша по квартире Елизавета Васильевна Иоффе, пришла к нам вечером и сказала, что у нее в гостях известный русский поэт Сергей Есенин с журналистом Львом Повишкин. Они хотят познакомиться со мной. Так произошло наше знакомство.

— Помнится, вы рассказывали, что Есенин читал антологию «Поэзия Армении» и живо интересовался нашими поэтами...

— Брюсовская антология была у наших соседей. Я часто по просьбе Сергея Александровича приносила ее, видимо, он был давно знаком с этой книгой. Он прекрасно читал стихи. Много чтецов, артистов я слышала, но есенинское чтение неповторимо. Особенно любил он стихотворения «Ужель поэт последний я» и «Газелла», печально читал их, словно думал о чем-то своем. Часто после этого он повторял и вспоминал свое, родное, пережитое: «Я последний поэт деревни...»

Еще, я помню, Есенин очень любил творчество Египе Чаренца. В Батуми долго ждал его приезда. Чаренца ждали все мы. Он должен был проехать через Батуми, и Сергей Александрович чуть ли не ежедневно спрашивал: «Приехал ли Чаренц?». Но свидание не состоялось: Есенин уехал в Москву, не дождавшись его. Когда Чаренц наконец приехал в Батуми, я рассказала ему о моем интересе Есенина к его поэзии и показала стихи Сергея Александровича, написанные на фотографии, подаренной мне. Здесь были «Шаганэ

ты моя, Шаганэ!..» и «Ты сказала, что Саади...».

— Сергей Александрович говорил, что собирается составить и перевести антологию грузинской поэзии.

— Восторженно вспоминал он прекрасных грузинских поэтов, своих друзей: Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чикозани, Шалву Аппхандзе. Какой свет был в его глазах, когда он говорил о днях и ночах, проведенных с друзьями поэтами в Тифлисе! Много рассказывал он о семье Тициана Табидзе, где жил в дни пребывания в

прекрасно чувствуют в человеке нежность и доброту и платят ответной любовью.

Сергей Александрович умел дружить с детьми. Он мне рассказывал о дочери Петра Ивановича Чагина — его друга редактора «Бакинского рабочего», с ней он дружил. Почему-то в моей памяти стихотворение из «Персидских мотивов» «Голубая да веселая страна» и, в частности, образ Гелии связан именно с этой девочкой. Хотя мне говорят, что это условный поэтический образ.

— Чьи стихи Есенин читал чаще всего?

◆ ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ КНИГ

Последнее интервью Шаганэ

— Когда сестра моя, Еленка Нерсесовна, сказала Сергею Есенину: «Вы — Пушкин XX века», — он улыбнулся и своей неповторимо прекрасной улыбкой словно бы сказал, насколько ему это слышать. Сергей Александрович часто и с большой любовью говорил о Пушкине — это был его любимый поэт, и он вдохновенно читал свои любимые стихи Пушкина: «Пора, мой друг, пора!..» «Для берегов отчизны дальней...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Наизусть знал и читал отрывки из «Евгения Онегина» и целиком легкомысленного «Мцыри» — то же любимейшую поэму.

Не правы те, кто думает, что чтение стихов Есенина было намеренным, только интимным. Порою голос его звучал торжественно, патетически. Так читал он по нашей просьбе отрывки из «Двенадцати». Блон — своего любимого, незабываемого учителя.

Перед отъездом Есенин вторгался: «Поедмте в Москву. Его заали дела».

Я ждала его летом, он обещал приехать...

И когда я узнала, что так жестоко и бессмысленно ушел он от нас, поняла: кончились звездные часы моей жизни...

Я уходила от Шаганэ Нерсесовны уже под вечер. Яркий сиреневый розовый закат причудливо освещал комнату. В этом призрачном свете мне навсегда запомнилась ее добрая и чуть печальная улыбка, словно почувствовала, что больше не увижу ее.

Маргарита АТАБЕКЯН

ЕРЕВАН

На снимке: Шаганэ ТАЛЫАН. 1924 г.

Тифлисе. О группе грузинских поэтов, объединившихся в «Голубые рога», Есенин отзывался как о созвездии крупных талантов, поражаемых их поэтическим находкам.

— Для Есенина очень характерен поиск в человеке светлого, прекрасного, творческого, вдохновенного начала. А отсюда — его особое отношение к детям.

— Помню, как по батумскому бульвару шли мы с Сергеем Александровичем, а навстречу — стайна беспризорников: лица в сани — спали в котлах для варки асфальта; Сергей Александрович вглядывался в их лица, разговаривал, кормил их, расспрашивал и потом сказал: «Вот, Шаганэ, там и Пушкин, и Лермонтов, и я».

Есенин любил детей, а дети